

посредственно у производителя, то появляется возможность безнаказанно преувеличивать удельный вес последних.

Кроме того, работники провинциальных отделений хлебозаготовительных организаций просто вынуждены были идти на прямую фальсификацию данных о количестве заготовленного хлеба в силу действовавшей системы финансирования хлебозаготовительных операций государством.

Практически полное отсутствие контроля за соответствием отчетных данных действительности позволяло заготовителям использовать в своих интересах как эффект «двойного счета», так и приписки.

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ИЗДАНИЯ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ В СЕРИИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Как известно, 38-й том Полного собрания русских летописей посвящен изданию текста одной из древнейших летописей, уникальному памятнику средневековой письменности — Радзивилловской летописи. Том вышел из печати в 1989 году в Ленинградском отделении издательства «Наука». Но изданию памятника предшествовала сложная и долгая история. На обороте титульного листа книги, согласно установившейся традиции, указаны имена: ответственного редактора серии академика Б. А. Рыбакова, заместителя ответственного редактора доктора исторических наук В. И. Буганова (в те годы он еще не был членом-корреспондентом РАН), членов редакционной коллегии: доктора исторических наук М. Д. Ирошниковой, доктора исторических наук М. В. Кукушкиной, доктора филологических наук Я. С. Лурье. Кроме того, указано имя М. Д. Приселкова, первого ученого в отечественной истории летописания, обосновавшего необходимость издания текста Радзивилловской летописи как отдельного, самостоятельного памятника письменности. И указаны также имена исполнителей, ученых, кандидата филологических наук О. П. Лихачевой, Р. М. Мавродиной, кандидата исторических наук Е. К. Пиотровской, завершивших труд М. Д. Приселкова. Уже нет в живых ни Р. М. Мавродиной (ум. в 1980 г.), ни В. И. Буганова (ум. в 1996 г.), ни Я. С. Лурье (ум. в 1996 г.). И конечно же, издание летописи никогда бы не увидело свет, если бы не инициатива и настойчивость Я. С. Лурье, слушавшего лекции М. Д. Приселкова на историческом факультете ЛГУ, продолжившего изучение истории русского летописания после смерти ученого и радсавшего о том, чтобы традиция изучения летописей, начатая А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, не заглохла.¹

¹ Подробнее см. об этом в предисловии, написанном Я. С. Лурье, к переводному изданию книги Приселкова М. Д. История русского летописания XI—XV вв. / Подг. к печати В. Г. Вольной. СПб., 1996. С. 51—59.

Так как я удостоилась чести пригласить участие в подготовке издания Радзивилловской летописи в коллективе известных ученых, считаю возможным изложить некоторые факты из трудной судьбы издания рукописи памятника. Как и многие студенты филологического факультета Санкт-Петербургского университета 60-х годов, я познакомилась с Яковом Соломоновичем Лурье в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома, куда нас привела Н. С. Демкова, читавшая нам тогда курс по истории древнерусской литературы и считающая, что древники должны обязательно посещать заседания сектора, который возглавлял Д. С. Лихачев, должны учиться слушать, учиться культуре ведения научных дискуссий, быть в курсе научной проблематики и т. д. Яков Соломонович часто выступал на заседаниях Сектора, иногда скептически, иногда с похвалой и поддержкой. Запомнилось, что он обязательно ставил в пример докладчикам точные науки, где, как правило, существуют четкие определения и множество графического материала. Нередко привлекал он и для понимания историко-культурных процессов фильмы с участием Греты Гарбо. Но, безусловно, самыми интересными были выступления Якова Соломоновича по докладом о русском летописании. Н. С. Демкова организовала для участников семинара по древнерусской литературе (вероятно, в конце 1965 г. и в течение 1966 г.) и чтение спецкурса Я. С. Лурье по истории летописания. Также обязательными считались занятия: по палеографии у Н. Н. Розова, по текстологии, которые вели коллеги Якова Соломоновича по Сектору Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев, М. А. Салмина, О. В. Творогов, участие в археографических экспедициях. Лекции Якова Соломоновича читались на филологическом факультете, а слушали их не только филологи, но и историки. Вот тогда-то впервые я и услышала о М. Д. Приселкове и Радзивилловской летописи.² На занятиях мы часто обращались к напечатанным летописным текстам. Рассказывая об истории издания Лаврентьевской летописи, сравнивая ее различные издания, Яков Соломонович старался убедить слушателей в оригинальности повествования Радзивилловской летописи. При этом он опирался на выводы А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и постоянно приводил примеры о «Михалке и брате его Всеволоде» как добавочные чтения (имеется в виду брат Андрея Боголюбского Михаил Юрьевич). Яков Соломонович вспоминал, что именно на эти чтения-добавления указывал своим слушателям еще М. Д. Приселков. В конце курса все получили зачеты и напутствие для исследований в сложной и трудной области историко-филологической науки — изучении летописания. Прошло много лет... В конце 1981 г. ко мне, тогда уже сотруднику ЛОИИ СССР АН СССР, обратился заведующий Сектором истории изучения и публикации исторических источников М. П. Ирошников с просьбой принять участие в издании текста Радзивилловской летописи. Дело в том, что еще раньше над этим изданием начала работать сотрудни-

² Тогда уже была напечатана статья Я. С. Лурье «Михаил Дмитриевич Приселков-источниковед» (ТОДРЛ. М.: Л., 1962. Т. 18. С. 464—475), но я познакомилась с ней гораздо позже. В этой статье еще о заключении и ссылке М. Д. Приселкова не упоминается. О воспоминаниях Д. С. Лихачева также мне еще не было известно.

нашего института Р. М. Маврошина, но преждевременная смерть оборвала ее планы. Яков Соломонович хотел довести начатое дело до конца и поэтому обратился сначала к сотруднице Рукописного отдела БАН О. П. Лихачевой, которая участвовала вместе с ним в подготовке издания древнерусской версии «Стефанит и Ихивлат» в серии «Литературные памятники».³ Получив согласие О. П. Лихачевой, сотрудники двух отделов академических учреждений приступили к работе. Следует упомянуть и то важное обстоятельство, что издание осуществлялось в счет строго установленного Редакционно-издательским советом АН СССР (РИСО) количества печатных листов для изданий Библиотеки АН. Долгие годы в практике издательской деятельности Академии наук существовала фиксированная квота листажа для каждого учреждения. Никаких возражений к изданию такого уникального памятника в серии Полного собрания русских летописей ни у кого из членов РИСО никогда не было. Нельзя также не упомянуть и о том, что несколько ранее сотрудники Отдела рукописей БАН А. А. Амосов (ум. в 1995 г.), М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева и сотрудники Отдела древнерусской литературы О. А. Белоброва и Г. М. Прохоров работали над факсимильным изданием Летописи, продолжая традиции отечественной археографии издания редких памятников средневековой письменности. Эта работа выполнялась ими совместно с существовавшим тогда издательством «Искусство», однако задачи издания и публикации текста были иными, чем подготовляемое издание для серии Полного собрания русских летописей. К сожалению, история этого издания полна таких драматических коллизий, что можно только удивляться тому, как творческий коллектив ученых смог преодолеть все «препоны и рогатки» и, благодаря уже издательству «Глаголь», в 1994 г. роскошное двухтомное издание увидело свет. Но это иная история судьбы текста, о которой участники издания напишут когда-нибудь свое повествование. Яков Соломонович знал о подготовке факсимильного издания летописи, и тогда всем казалось, как будет замечательно, если два названных издания выйдут одновременно, дополняя друг друга.

Итак, возвращаясь к истории издания Радзивилловской летописи в Полном собрании русских летописей, напомним, что именно М. Д. Приселков на материале исследования А. А. Шахматова обосновал схему издания текста Радзивилловской летописи, т. е. в основу ее издания был положен список из БАН, 34.5.30, с разночтениями по Академическому списку ГБЛ (РГБ), ф. 173, № 236 и списку Летописца Переяславля-Суздальского из ЦГАДА (РГАДА), ф. 181, № 279 (658.3П).⁴ Таким образом, Яков Соломонович строго следовал выводам А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и их последователей Д. С. Лихачева и А. Н. Насонова, которые также приняли эту схему в своих летописных построениях и считали ошибочным издание Лаврентьевской и Троицкой летописей вместе с Радзивиллов-

³ См.: Стефанит и Ихивлат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII ввек. / Издание подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье, перевод греческого текста Е. Э. Гринстрем и В. С. Шацковской. Л., 1969.

⁴ Археографический обзор списков см.: Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 4—5.

ской. Именно такой подход к изучению древнерусского летописного наследия был характерен для археографической практики XIX—начала XX в.,⁵ и мы как исполнители и издатели посмертного труда М. Д. Приселкова должны были строго следовать этой схеме, хотя в процессе работы над текстами, проникая в материал все глубже, мы стали понимать, что оригинальность изложения текста Летописца Переяславля-Суздальского и его отличие от Радзивилловского и Академического списков должны быть предметом специального рассмотрения.⁶ Наша работа подвергалась разным испытаниям. Прежде всего, мы не укладывались в отпущенные нам сроки подготовки рукописки для сдачи в издательство. Первоначально и Яков Соломонович, и другие члены редакционной коллегии считали, что нам с О. П. Лихачевой достаточно полугодия, чтобы подготовить рукопись к печати. Но вся работа над изданием растянулась на девять лет. (Мы ведь не были освобождены от наших обычных служебных обязанностей в своих учреждениях, поэтому, естественно, работа продвигалась медленно). Потребовалось заново сверять машинописный текст, который имелся в распоряжении Р. М. Мавродиной, с рукописью Радзивилловской летописи, а также высверять разночтения по Академическому списку — он был в нашем распоряжении в виде микрофильма — и тексту Летописца Переяславля-Суздальского, существовавшему в фотокопиях. Перед сдачей рукописи в издательство два Ученых совета знакомились с нашей работой: один — в БАН (в состав Совета тогда входили Г. Н. Моисеева, Г. М. Прохоров и многие другие историки и филологи), а другой — в стенах Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, где в обсуждении участвовали и сотрудники Пушкинского Дома Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов, а среди членов Ученого совета института были К. Н. Сербина, знавшая М. Д. Приселкова многие годы (еще с конца 20-х годов их связывали научные и добрые дружеские отношения), Н. Е. Носов, А. И. Копанев, И. П. Шаскольский, В. М. Панях и др. Сложности обсуждений рукописки на этих Ученых советах были связаны с тем, что мы с О. П. Лихачевой, как филологи, прошедшие через занятия спецкурсов и спецсеминаров Н. А. Мещерского и текстологическую школу Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, считали необходимым готовить издание летописи, отвечающее всем современным археографическим, текстологическим и источниковедческим положениям науки (кроме того, мы постоянно имели в виду древность иллюминированного Радзивилловского списка из БАН, поэтому считали важным опубликовать его с самыми подробными комментариями), а среди старших коллег тогда были сторонники облегченного варианта подачи материала. Наши затруднения с формой подачи материала в подстрочных примечаниях и разночтениях были вызваны во многом еще и тем, что дошедшая архивная рукопись М. Д. Приселкова (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 1060, оп. 1 (ранее разр. IV, оп. 42), д. 12) не имела никакого текста введения.

⁵ См. об этом: Там же. С. 8.

⁶ Там же.

в отличие, например, от сохранившейся рукописи Троицкой Летописи, в которой были даже два варианта введения.⁷ Справедливости ради следует сказать, что Яков Соломонович полностью доверял нам с Ольгой Петровной и не вмешивался в наши сверки до окончания работы; естественно, по всем сложным вопросам мы обращались к нему постоянно и помню, что несколько раз приходилось бывать у него дома в старой квартире его отца С. Я. Лурье на Петропавловской улице, на Петроградской стороне. Точно так же неоднократно собиралась редакционная коллегия и обсуждала внутренние спорные вопросы, особенно это касалось текста «Предисловия». Все трудноразрешимые проблемы, особенно этапы прохождения рукописи в издательстве обсуждались по телефону с Б. А. Рыбаковым и В. И. Бугановым. Когда, наконец, рукопись была подготовлена для сдачи в издательство, то поначалу ее не хотели принимать, так как количество исправлений почти на каждой машинописной странице превышало допустимые нормы (разрепалось не более семи исправлений на каждой странице), многие номера различий были вписаны каллиграфическим почерком О. П. Лихачевой тушью и черными чернилами. Потребовалось специальное разрешение дирекции издательства, чтобы редактор А. И. Строева могла начать работу с текстом. Работая с редактором, в особо трудных и сложных случаях, в частности в вопросах пунктуации, выделения прямой речи, мы сверялись с «Повестью временных лет» по изданию текста в серии «Литературные памятники» и в серии «Памятники литературы Древней Руси». Скандинавские имена послов, переданные в древнерусской транскрипции, проверил д. н. н. В. Е. Возрин, в то время сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, известный ученый в области скандинавистики. Единственная уступка, которую мы как исполнители сделали издательству, была связана с тем, что мы по требованию главного редактора издательства должны были «вымарать» из рукописи порядковые номера, которыми М. Д. Приселков обозначил все миниатюры летописи. Напомню, что место положения каждой миниатюры передавалось словом «рисунок» и соответствующим номером, заключенными в прямоугольную рамку. Это было, с нашей точки зрения, правильно найденным решением при воспроизведении столь сложного, редкого текста. Издательство же обосновывало свой протест тем, что в подлиннике рукописи не было номеров рисунков, и никакие наши доводы в расчет не принимались.

Дело складывалось так, что если бы мы не согласились на это, то рукопись не стали бы издавать. Конечно, мы вынуждены были пойти на компромисс. Яков Соломонович тоже согласился с этим. К тому же каждое подобного рода ограничение наших замыслов начиналось стадией длительных переговоров с дирекцией издательства, что тормозило и без того медленно продвигавшееся дело. Следует сказать еще об одной технической особенности издания подобного рода текстов. Известно, что в первых томах изданий летописных текстов и в XIX в., и в изданных летописях в начале и середине XX в. подстрочные при-

⁷ Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.: Л., 1930. С. 6.

мечания, объясняющие особенности текста основного списка, и разночтения, подводимые к нему по другим спискам, обозначались буквами русского алфавита и цифрами отдельно на каждой странице издания. Это, безусловно, было очень удобно при ведении корректур, так как если вдруг обнаруживалась ошибка в разночтениях основного текста и текстов, приведенных в подстрочных примечаниях, то правка и перенумерация касались только текста, расположенного на этой странице. Мы же следовали правилам, которые появились в издательской практике, по-видимому, в середине 60-х годов, т. е. нумерация разночтений, обозначенных цифрами, строилась по принципу от 1 до 100 независимо от количества страниц, затем начиналась следующая сотня разночтений, при этом она обозначалась римской цифрой II и т. д. В издании Радзивилловской летописи таких обозначений римскими цифрами в буквенном ряду находится 57, а в ряду разночтений — 109. Это не только осложняет работу издателей, но и создает ненужные технические препятствия для оформления текста, тем более что выделить это другим номером кегля шрифта и более жирным шрифтом практически невозможно. Нельзя не сказать о том, что сложности технического редактирования были корректно преодолены благодаря опыту Н. Ф. Соколовой.⁸ Самые большие трудности, естественно, ожидали нас впереди. Корректуры проходили очень медленно. Рукопись находилась в наборе более трех лет. Ее начали набирать, потом работу приостановили. 1-ю корректуру мы ждали больше года (дата сдачи рукописи в набор, указанная в конце издания, неверна, летопись начали набирать в феврале 1986 г.). Во время набора рукописи меня все время не оставляла мысль, почему все-таки в сохранившемся архивном экземпляре М. Д. Приселкова не осталось никаких подробных объяснений к подготовленному изданию. Еще была жива К. Н. Сербина (ум. в 1990 г.), можно было подробно о многом расспросить. Ведь она вспоминала, что незадолго до своей болезни, по-видимому, в 1939—1940 гг., М. Д. Приселков обсуждал текст подготовки летописи к изданию в нашем институте. Умер М. Д. Приселков в 1941 г. После войны его архив был передан в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Материалы сдавала вдова ученого, а К. Н. Сербина принимала в этом участие. Почему все же решить в первую очередь после войны издавать Троицкую летопись? Возможно, это было связано с тем, что издание ее текста было крайне необходимо для дальнейших разысканий истории летописания и изучения древнерусских памятников письменности. Издание состоялось и стало широко вводиться в научный оборот. Что же касается Радзивилловской летописи, то, может быть, о ней [как бы] забыли? Ведь даже Яков Соломонович обнаружил ее текст случайно, только в 1975 г., и в архивной описи рукопись была обозначена как «Повесть временных лет»⁹ (естественно, что когда мы слушали лекции Якова Соломоновича по истории

⁸ Возможно, теперь, когда появился компьютерный набор, подобная работа шла бы быстрее, однако я все равно придерживалась традиционной нумерации разночтений только на одной странице. Это удобнее даже при редактировании на компьютере, а текст выглядит не таким громоздким. Может быть, эти наши наблюдения и советы будут полезны следующим поколениям издателей ПСРЛ.

⁹ Радзивилловская летопись. С. 5.

летописания, ни о каких архивных материалах М. Д. Приселкова или Радзивилловской летописи не было и речи). По-видимому, Якова Соломоновича также интересовал вопрос отсутствия текста предисловия к подготовленному М. Д. Приселковым труду. Так, уже на стадии завершения издания текста, в марте 1989 г., Я. С. Лурье вдруг обнаружил в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН отдельно выделенную папку «Описание Радзивилловской летописи». Я сразу же познакомился с материалами этой папки. (Напомню, что ранее она в общей описи архива М. Д. Приселкова не значилась. Ведь как только мы с О. П. Лихачевой приступили к работе над изданием Радзивилловской летописи, то сразу же обратились к архиву ученого). Как это уже и отмечено в Предисловии к изданию текста в Полном собрании русских летописей — это фрагмент текста на пяти листах, без заглавия, в котором содержатся наблюдения М. Д. Приселкова по поводу расположения миниатюр рукописи и в котором ученый высказывает свои предположения о формате протографа, с которого мог быть выполнен дошедший до нас список Радзивилловской летописи.¹⁰ Это в высшей степени интересный материал для дальнейших исследований и решения вопроса о происхождении Радзивилловской летописи.¹¹ В связи с этой находкой фрагмента о миниатюрах летописи и текста предполагаемого протографа осмелюсь предположить такое объяснение отсутствия текста Предисловия к изданию. Дело в том, что вопрос о происхождении Радзивилловской летописи занимал умы многих ученых. Известно, что о западнорусском происхождении текста говорил А. А. Шахматов, убедительно доказал это на материале языка списка Радзивилловской летописи из собрания БАН его ученик В. М. Гашцов (1896—197) еще в 20-е годы.¹² Но, к сожалению, как и М. Д. Приселков,¹³ он был репрессирован в конце 20-х годов,¹⁴ вернулся из лагерей только после смерти И. В. Сталина, и московские ученые стали привлекать его к научной работе в связи с подготовкой Диалектологи-

¹⁰ СПб.ФА РАН. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—5.

¹¹ Подробнее об этом см., например: Лурье Я. С. О происхождении Радзивилловской летописи // ВИД. Л., 1987. Т. 18. С. 64—83; Прохоров Г. М. Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 г. и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 53—76; См. также: Предисловие к Факсимильному воспроизведению рукописи Радзивилловской летописи. СПб., 1994. Т. 2. С. 7—10; Милютенко Н. И. Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивилловская летопись) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 36—58; Кукушкина М. В. К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 374—383. Во всех исследованиях приведена обширная библиография вопроса.

¹² Гашцов В. М. Особенности языка Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи // ИОРЯС. Л., 1927. Т. XXXII. С. 177—242. Из предисловия к статье, написанного В. М. Гашцовым в Киеве в 1926 г., узнаем, что исследование было выполнено им в 1915—1916 гг.

Выводы В. М. Гашцова, однако, совсем не убеждают М. В. Кукушкину. По мнению исследовательницы, Радзивилловская летопись, дошедшая в списке 90-х годов XV в., связана своим происхождением с Кирилло-Белозерским монастырем.

¹³ О судьбе М. Д. Приселкова подробно см. в уже названном Предисловии Я. С. Лурье (см. выше, примеч. 1) и в кн.: Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 207, 220, 257, 305. См. также: Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. V—LXII.

¹⁴ См.: Медведев Рай. О Сталине и сталинские // Знамя. М. 1989. Февраль. С. 182.

ческого Атласа СССР.¹³ М. Д. Приселков, вернувшись из ссылки в середине 30-х, конечно, знал, что В. М. Ганцов осужден, и не смог использовать результаты исследования ученого при написании своего труда «История русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940). На страницах, посвященных Радзивилловской летописи, нет ссылок на В. М. Ганцова.¹⁴ Естественно, не могло быть ссылок на В. М. Ганцова и в вышедшем после Отечественной войны исследовании Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение (М.; Л., 1947). Кроме того, еще в начале века и при жизни М. Д. Приселкова стали появляться работы археологов и искусствоведов, в которых рассматривались вопросы иконографической традиции памятника, а соответственно, неизбежно вставал вопрос о его происхождении.¹⁵ Может быть, все эти перечисленные выше обстоятельства и не позволили М. Д. Приселкову увязать текстологические истоки происхождения летописного свода с иконографическими архетипами памятника. Может быть, текст предисловия к изданию Радзивилловской летописи просто не был им написан. Он ведь строил свое исследование без учета иконографического анализа рукописи, хотя эту уникальность сохранившейся летописи осознавал. Еще Д. В. Айвалов в своем исследовании «О некоторых сериях миниатюр Радзивилловской летописи»¹⁶ писал, что состав памятника «крайне сложен и складается из различных самостоятельных отделов рисунков, заимствованных из различных источников»; и поэтому история Радзивилловской летописи может рас-

¹³ Об этом мне рассказывала Л. П. Жуковская (ум. в 1994). Она же посоветовала написать академику М. А. Жовтоброку, который мог знать подробности жизни В. М. Ганцова, что я и сделала и получила от него письмо (которое храню) от 21.09.1987 г. Привожу выдержку из него: «...Василода Михайловича Ганцова я знаю хорошо, много раз с ним встречался. Он — ученик А. А. Шахматова, но ученики даже у выдающихся ученых бывают разные. В. М. Ганцов был одним из лучших его учеников. Его ученая деятельность хотя и непродолжительна по независимым от него обстоятельствам, но весьма продуктивна. Мы его ценили как выдающегося украинского диалектолога, ценили и его исследования по истории языка. Вернувшись из далеких мест, он поселился в Чернигове ... Часто приезжал в Киев ... принимал участие в заседаниях диалектологического атласа. Но ничего не печатал. Один раз мы вместе с ним были даже на славянской конференции в Ленинграде. Умер он лет семь назад. Точной даты у меня, к моему стыду, нет. Знаю лишь наших диалектологов, но они тоже не помнят даты смерти В. М. Ганцова. Умер он уже немолодым, дата его рождения — 1896 г. Его научные работы долгое время игнорировались, теперь широко используются нашими диалектологами...»

¹⁴ К сожалению, и в уже упомянутом выше (см. примеч. 1) переизданном труде М. Д. Приселкова о В. М. Ганцове не говорится. Я не могла уже спросить о нем Н. А. Меншерского (ум. в 1987 г.), а К. Н. Сербина никогда не слышала о В. М. Ганцове.

¹⁵ Напомним, что у истоков изучения миниатюр Радзивилловской летописи стоял «архистратиг русской археологии» А. П. Кондаков. См. его статью «Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи» (т. 2 издания Радзивилловской летописи ОЛДП. СПб., 1902. С. 115—127). См. также: Чернышев А. В. К изучению Радзивилловской летописи // ТОДРЛ. Л., 1986. Т. 36. С. 274—288; Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские древние рукописи X—XII вв. // Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984. С. 188—240. В двух последних работах анализ обширной историографической традиции.

¹⁶ Айвалов Д. В. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. XIII. Кн. 2. С. 31—47.

смагтриваться, по мнению ученого, в одном ряду с такими памятниками, как александрийская мировая хроника VI в. Барбара, летопись Манасии, летопись Скипицы Курополата».¹⁹

Когда уже наше издание текста летописи было окончено набором и подписано к печати, Яков Соломонович попросил М. П. Ирошвикова, который являлся также и является сейчас заместителем председателя Археографической комиссии, о том, чтобы официально обратиться в Комитет государственной безопасности с запросом о деле М. Д. Приселкова и об оставшихся, может быть, печатных и рукописных материалах из личного архива ученого. На письмо пришел развернутый ответ с выпиской из материалов следствия с момента ареста М. Д. Приселкова 13 августа 1930 г. и решением о посмертной реабилитации от 18 апреля 1958 г. Кроме того, сообщалось: «В управлении КГБ СССР по Ленинградской области каких-либо документальных материалов (научных трудов, писем, докладов и др.), относящихся к научной и общественной деятельности профессора Приселкова Михаила Дмитриевича, к сожалению, не имеется». Подписал документ заместитель начальника УКГБ СССР по Ленинградской области В. Н. Блесер.²⁰ Последняя надежда Якова Соломоновича не оправдалась.

Много времени спустя сотрудничала нашего института Т. Г. Смирнова, которая специально занимается историей и деятельностью Археографической комиссии в годы после Октябрьской революции и хорошо ориентируется в сохранившихся архивных материалах, обратила мое внимание на текст Протокола заседания Постоянной историко-археографической комиссии АН СССР, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 133, оп. 1-а, № 33). И, в частности, в Протоколе № 4 (л. 70 указанного дела) от 25 сентября 1928 г. говорится о подготовке XXV тома Полного собрания русских летописей, для которого «за лето снята копия с большей части Радзивилловской (так. — Е. П.) летописи, и производится в Москве научным сотрудником комиссии Н. С. Часвым сверка с оригиналом печатного текста Летописца Преслава Суздальского, в ближайшие дни редактор XXV-го тома член комиссии М. Д. Приселков приступит к подготовке для печатания текста Радзивилловской летописи». А в Протоколе № 10 заседания уже Археографической комиссии Академии наук СССР от 8 марта 1929 г. (л. 86 указанного дела) говорится также, что «Член комиссии М. Д. Приселков сообщил о ходе его работ по подготовке к изданию XXV-го тома „Полного собрания русских летописей“. Постановлено: сообщеник принять к сведению; просить М. Д. Приселкова закончить подготовительные работы к началу будущего сметного года».

Таким образом, можно считать, что еще один известный ученый, Н. С. Часв, принимал участие в подготовке Радзивилловской лето-

¹⁹ *Айдалос Д. В.* Рец. на кн.: Bauer A. J. Strzygowski. Eine alexandrinische Weltchronik. Text und Miniaturen eines griechischen Papyrus der Sammlung W. Golenischev. Wien, 1905 // ВВ. СПб., 1906. Т. XII. С. 272—288.

²⁰ Машиннописная копия ответа от 4 октября 1989 г.

писи. Но «будущий сметный год» не состоялся (закрыли комиссию, М. Д. Приселков был арестован по подозрению «в проведении активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации», а Н. С. Часв умер от голода в блокадном Ленинграде за рабочим столом).

Последний раз я видела Якова Соломоновича глубокой осенью 1995 г., мы разговаривали у гардеробной комнаты в нашем институте. Он спрашивал меня о публикации древнейшего русского списка «Летописца вскоре» Константинопольского патриарха Никифора. А затем я узнала, что он тяжело болен, в реанимации. О смерти Якова Соломоновича я узнала от коллег, с которыми слушала его лекции по истории русского летописания.

Теперь я иногда думаю, что Яков Соломонович привлек нас к работе по изданию Радзивилловской летописи не только потому, что это ценный памятник письменности, и не только, чтобы воздать должное своему учителю, но и для того, чтобы мы знали: летописный свод отечественной науки XX в. написан ценой немалых страданий ученых старшего поколения.*

* Когда том настоящего издания был уже подготовлен к набору, появилась статья «Переписка академиком А. Б. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920—1930-х годов» (публикация и предисловие И. М. Смолынской, примечания И. М. Смолынской и А. Г. Недвицкого) в книге «Неизвестные страницы отечественного востоковедения» (М., 1997. С. 155—366), где приводятся даты жизни В. М. Ганцова (1892—1979) без ссылок на источник.